

- [«Эксперт» №19 \(802\)](#) / 14 май 2012, 00:00
- Экономика и финансы /
- Экономическая история

Пот, кровь и институты

- [Владимир Попов](#), профессор Российской экономической школы, доктор экономических наук. Полная версия статьи планируется к публикации в «Журнале Новой экономической ассоциации»

Вырваться из мальтузианской ловушки бедности можно, только кардинально повысив норму накопления. Страны Запада добились этого в результате жестокого передела собственности в XVI–XVIII веках. Восточная Азия во главе с Китаем смогла сделать это лишь в XX веке — сохранив традиционные институты и избежав роста неравенства, нищеты и смертности



Скульптура увековечила китайского мореплавателя Чжен Хэ (1371–1435), который почти за век до Колумба плывал на огромных кораблях.

Пятьсот лет назад, в XVI веке, все страны находились примерно на одинаковом уровне развития, если измерять его ВВП на душу населения подушевым потреблением, продолжительностью жизни, уровнем грамотности. Больше того, в Средние века, скажем, в период династии Тан, Китай по уровню технологий и потребления даже несколько опережал Запад (на 20–30%).

Однако с XVI века начинается ускоренное развитие Запада. В 1900 году отношение ВВП на душу населения в развитых и развивающихся странах выросло до 6:1 (см. график 1), а доля Китая и Индии в мировом валовом продукте, до середины XIX века составлявшая 40–50%, к 1950 году снизилась до 9% (см. график 2).



График 1. В XVIII–XIX веках разрыв по уровню жизни между Западом и Югом быстро нарастал

С середины XX века другая, восточноазиатская, модель экспортноориентированного догоняющего развития позволила ряду стран догнать Запад и фактически превратиться из развивающихся в развитые. Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг — все они впервые вошли в клуб богатых стран.

По их пути теперь идут и Юго-Восточная Азия (АСЕАН), и Китай, а в последние два-три десятилетия — еще и Индия. В 1950 году на развитые страны приходилось более половины мирового ВВП, в 2006-м показатель сократился до 40%, несмотря на снижение доли государств бывшего СССР, — в основном за счет роста доли Китая и Индии. Продолжение этих тенденций будет означать подтягивание развивающихся стран к западному уровню и сокращение доли Запада в мировом ВВП до 20%.

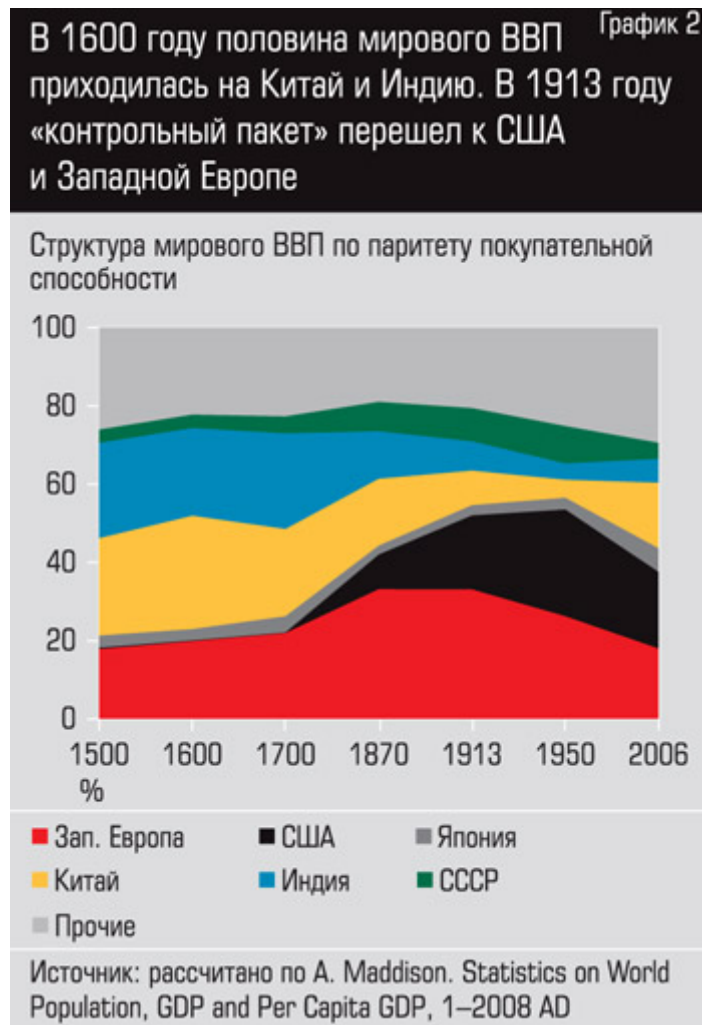


График 2. В 1600 году половина мирового ВВП приходилась на Китай и Индию. В 1913 году "контрольный пакет" перешел к США и Западной Европе

Способы выхода из мальтузианской ловушки

Существует две основные школы мысли — назовем их условно западная и ориенталистская — в объяснении экономического возвышения Запада. Первая считает процесс закономерным, вторая, напротив, делает акцент на стечение обстоятельств, историческую случайность. Первая, более традиционная трактовка (Дэвид Ландес и Джоел Мокир, видимо, самые известные современные авторы) состоит в том, что отдельные социальные новации или же вся их совокупность незадолго до и сразу после XVI века привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций — отмена крепостничества и личная свобода, разрушение соседской общины и огораживание, образование свободных городов, протестантская этика, Хартия вольностей, университеты, свобода дискуссии и беспрепятственный обмен идеями и т. д. «Традиционная мудрость, принимаемая

многими специалистами по экономической истории, в частности такими известными, как Дуглас Норт, состоит в указании на набор связанных друг с другом правовых, экономических и социальных институтов, которые, как считается, необходимы для устойчивого экономического роста или, по крайней мере, способствуют ему, — писал об этом нобелевский лауреат **Роберт Солоу**. — Самые важные из них — верховенство закона, гарантии прав собственности, относительно свободные рынки и известная степень социальной мобильности. Они уменьшают неопределенность вокруг сбережений, инвестиций и предпринимательской активности и повышают для способных людей стимулы к занятиям экономической деятельностью, а не грабежами и молитвами. Промышленная революция произошла именно тогда, когда произошла, так как эти условия оказались выполненными, и именно в Англии они были созданы раньше, чем в других странах, и в наиболее полной степени».

Сторонники второго подхода (**Джэред Даймонд** и **Кеннет Померанц** — опять-таки лишь некоторые современные авторы) считают, что особых отличий в развитии Запада и Востока до XVIII века не было. Даже в XVIII веке, считает Померанц, Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества. То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств — наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после открытия Америки.

Выдающийся китайский путешественник Чжен Хэ (1371–1435) почти за век до Колумба плывал на огромных кораблях (более 120 м длиной против 30 м у Колумба) к Африканскому Рогу, на Мадагаскар, в Индонезию. Дело шло к тому, что Америку откроет Китай, а не Европа, но императоры Минской династии запретили строительство больших кораблей после путешествий Чжен Хэ — довольно случайное, а отнюдь не закономерное решение, положившее начало самоизоляции Срединной империи на протяжении последующих четырех веков. В Европе же, согласно Померанцу, эмиграция позволила смягчить давление растущего населения на ограниченные земельные ресурсы и избежать снижения производительности. Удорожание рабочей силы из-за эмиграции в Америку заставило предпринимателей внедрять трудосберегающие технологии, что дало толчок техническому прогрессу.

В чем недостаток традиционных объяснений? Они не дают ответа на вопрос, почему Англия и Северо-Западная Европа не смогли начать быстрый экономический рост — вырваться из мальтузианской ловушки — до XVI века и почему другие страны вырвались из этой ловушки гораздо позже, а некоторые не вырвались до сих пор. «Каким образом получилось так, что огромные различия в обычаях, общественном устройстве, институтах, языках, географии, земледелии и во многом другом не привели к различиям в темпах экономического роста... — спрашивает **Джек Голдстоун**. — ...И почему этот (мальтузианский. — «**Эксперт**»)

режим роста неожиданно подошел к концу или был трансформирован, так что темпы роста, бывшие стабильными на протяжении как минимум десяти тысяч лет, неожиданно повысились на два порядка за сто лет?»

В самом деле, почему в Древней Греции и Риме, с их высоким уровнем гарантий прав личности и предпринимательства, со свободными дискуссиями и обменом идеями, не произошла своя промышленная революция? И почему после перехода Запада в режим быстрого экономического роста другие страны не смогли совершить такой же прорыв? Больше того, если успехи в догоняющем развитии и были, то как раз в государствах, которые совсем не укладываются в схему либерального свободного предпринимательства и демократии (СССР до 1970-х, Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, а теперь Юго-Восточная Азия и Китай).

Еще одна альтернатива

Альтернативная гипотеза, объясняющая генезис институтов и их эволюцию, состоит в следующем. Мальтузианский режим роста, в котором находились все страны до XVI века, характеризовался среди прочего низким доходным неравенством. Собственно говоря, неравенство и не могло быть высоким, так как при среднем доходе порядка 500 долларов в год на душу населения (в «международных» долларах 1990 года) рост неравенства был связан с ростом доли населения ниже черты прожиточного минимума. Если предположить, что прожиточный минимум составлял половину среднего дохода, получается, что критический, или максимально возможный, уровень неравенства, достигаемый без вымирания населения, примерно соответствует коэффициенту Джини менее 50%. Если фактический уровень неравенства превышал критический, население просто переставало увеличиваться или даже сокращалось (из-за снижения рождаемости и роста смертности). В мальтузианском режиме роста, когда богатство и мощь страны определялись численностью населения и армии, это чаще всего означало поражение в будущей войне. Успех же страны выражался в быстром росте населения — как в Китае при императоре Цяньлуне, правление которого (1736–1795) ознаменовалось невероятно быстрым ростом населения — доля Китая в мировом населении увеличилась с 23% в 1700 году до 37% в 1820-м.

Низкое неравенство обеспечивали коллективистские институты, прежде всего община, но также и государство, руководствовавшееся «азиатскими ценностями» — приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума. А низкое неравенство означало низкую норму сбережений и инвестиций (бедная часть населения физически не могла делать сбережения), что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции => низкая и не повышающаяся капиталовооруженность => низкая и не растущая производительность труда => низкая норма накопления. Даже если производительность труда и/или норма накопления по какой-то причине и возрастала, вступал в силу другой механизм: ускорение роста населения при повышении уровня жизни, съедавшее повышение капиталовооруженности и производительности труда.

Попытки выйти из мальтузианской ловушки предпринимались не раз, в том числе в Древней Греции, Риме и в Византии, но, видимо, вели только к поражению этих стран в войнах с более примитивными, но и более приверженными «азиатским» (общинным, коллективным) ценностям захватчиками. Разрушение традиционных институтов и приоритетная защита интересов индивидуума, а не общины вели к росту доходного и имущественного неравенства, что позволяло увеличить сбережения, инвестиции, капиталовооруженность и производительность труда, но лишь ценой поляризации общества и замедления роста и даже сокращения населения — основы могущества наций в мальтузианском режиме роста.

Такой эксперимент при низком уровне доходов мог быть успешным только случайно — нужно было, чтобы два-три столетия драматических социальных перемен с ростом неравенства и крайней бедности не привели ни к разрушительным внутренним бунтам, ни к ослаблению государства и иностранному завоеванию. И, похоже, такая случайность превратилась в действительность в Англии в XVI–XVIII веках во время огораживания, а затем и в остальной Северо-Западной Европе.

Механизм выхода Запада из мальтузианской ловушки начиная с XVI века был совсем не уникальным — попытки предпринимались и до этого. Уникальным, однако, было то, что Запад смог продержаться два-три века, не будучи завоеванным соседями с более традиционными институтами, до тех пор пока производительность труда не выросла к началу XIX века более чем в два раза, с соответствующими последствиями для военной мощи (первый выход из мальтузианской ловушки — см. схему).

Многочисленные факты подтверждают такую гипотезу. Несмотря на ускорение роста производительности труда в Великобритании в 1500–1800 годах (до 0,2% в год, так что за три века подушевой ВВП более чем удвоился), уровень жизни населения не повысился. Даже в Англии, переживавшей промышленную революцию, реальные заработки в 1500–1800 годах на самом деле сократились. Это косвенное подтверждение гипотезы усугубляющегося неравенства в эпоху огораживания и первоначального накопления капитала, которое привело к кардинальному росту доли сбережений и инвестиций в ВВП — с 6% в 1760 году до 12% в 1831-м. Это также согласуется с тем фактом, что еще в XVIII веке уровень жизни в Китае был сопоставим с европейским. По уровню здравоохранения и санитарных условий, медицины, калорийности питания, продолжительности жизни, внутреннего потребления Китай не уступал главным европейским странам.



Схема. Три выхода из мальтузианского режима роста

Кардинальное перераспределение собственности (земли) в Англии и отсутствие такого перераспределения в Китае доказывают данные о величине фермерских хозяйств: в Британии их средний размер вырос с 14 акров в XIII веке до 75 акров в 1600–1700 годах и до 151 акра в 1800-м, тогда как в Китае он снизился с 4 акров в 1400 году до 3,4 акра в 1650-м и до 2,5 в 1800-м (в дельте Янцзы — с 4 в 1400-м до 2 в 1600–1700 годах и до 1 в 1800-м). В Китае растущему сельскому населению предоставлялась земля за счет существующих владельцев; в Англии, напротив, фермеры сгонялись с земли и превращались в пролетариев. Доля городского населения в Англии повысилась с 6% в 1600 году до 13% в 1700-м и 24% в 1800-м, тогда как в Китае она сократилась более чем с 20% в XIII веке всего лишь до 5% (!) в начале XIX.

В XVI–XVIII веках, таким образом, Европа и Китай (да и весь Юг) разошлись не столько в динамике потребления, сколько в динамике имущественного и доходного неравенства, сбережений и инвестиций. В Англии к 1800 году уже две трети работников были пролетариями (работающими по найму), а в Китае — только 10%.

Издержки такого перераспределения собственности и повышения неравенства были исключительно высоки — продолжительность жизни в Англии снизилась с 35–40 лет в конце XVI века до 30–35 в начале XVIII (см. график 3). Темпы роста населения упали с 0,7% в 1000–1500 годах до 0,4% в XVI веке и до 0,3% в XVII, прежде чем выросли до 0,9% в XVIII–XIX веках.



График 3. Переход первоначального накопления в Англии во второй половине XVI века имел тяжелые демографические последствия

Но и переориентация всей экономической машины с потребления на накопление стала, несомненно, крупнейшим социальным изменением за тысячелетия. Ведь прежде, до XVI века, доля сбережений и инвестиций в ВВП еле доходила до 5% и была едва достаточна для возмещения изношенного основного капитала, создания новых рабочих мест для растущего населения. В Корее и Индии даже в начале XX века доля сбережений все еще была на уровне 4–7% ВВП. В 1870–1899 годах в Австралии, Канаде, Японии, Великобритании норма сбережений составляла всего 9–14% ВВП.

Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в разделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции. Используя сравнение **Пола Кругмана**, сделанное по другому поводу, можно сказать, что Запад разбогател не благодаря вдохновению (inspiration), но благодаря поту и крови (perspiration), или, чтобы быть более точным, благодаря

безжалостному «большому толчку» — ускорению накопления капитала, которое стало возможным только из-за роста неравенства после экспроприации мелких земельных собственников.

Траектории развития Юга

После выхода Запада из мальтузианской ловушки прочие страны (Юг), включая самые развитые (Китай), еще долгое время оставались в мальтузианском режиме роста, сохраняя традиционные институты и испытывая очень медленное — на сотые доли процента — повышение производительности из-за едва заметного роста технического уровня производства. Можно только гадать, чем бы закончилась конкуренция стран и цивилизаций в мальтузианском режиме роста, когда численность населения была главным критерием успеха, — колониальная экспансия Запада не позволила этой тенденции развиваться до логического завершения.

Эта колониальная экспансия разделила Юг на два типа стран. В Африке южнее Сахары, в Латинской Америке, во многих странах бывшего СССР произошло полное или почти полное разрушение традиционных институтов (общины); они были заменены, но только частично, новыми институтами личной ответственности, импортированными с Запада. Напротив, Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, а также в значительной степени Южная Азия смогли, вопреки колониализму, в большей степени сохранить традиционные коллективистские институты. Можно предположить, что страны и регионы, сохранившие традиционные институты, не испытали роста доходного неравенства и нормы накопления, но в то же время смогли сохранить институциональную преемственность, которая обеспечила высокое качество институтов. Другие страны мировой периферии, которые попытались воспроизвести западную модель выхода из мальтузианской ловушки и в которых развитие традиционных институтов было прервано, заплатили цену в виде ухудшения качества и эффективности этих институтов.

Если институциональный потенциал государства (качество госинститутов) определить как способность правительства добиваться исполнения законов и предписаний, то естественными измерителями будут доля теневой экономики и уровень преступности, а еще лучше — убийств, так как полнота регистрации преступлений сильно варьируется по странам, а тяжкие преступления все-таки регистрируются довольно полно даже в развивающихся государствах.

Западным странам понадобилось 500 лет, чтобы снизить число убийств со 50–100 до 1–3 на 100 тыс. человек населения. Уровень убийств в Западной Европе в основном превышал 10 случаев на 100 тыс. жителей — значительно больше, чем во многих развивающихся странах со схожим уровнем ВВП на душу населения сегодня. На самом деле в развивающемся мире сейчас есть два типа стран — с относительно низким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (1–3 случая на 100 тыс. жителей, это Восточная Европа, Восточная Азия и Ближний и

Средний Восток) и относительно высоким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (15–75 случаев на 100 тыс. жителей в европейских республиках бывшего СССР и Казахстане, в Латинской Америке и Африке южнее Сахары).

Южная Азия (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка) и Юго-Восточная Азия (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Вьетнам) занимают промежуточное положение — 5–10 убийств на 100 тыс. жителей (за исключением Филиппин с уровнем убийств 21 человек). Восточная Европа с низким уровнем убийств (1–3 человека) более похожа в этом отношении на Западную, а такие регионы бывшего СССР, как Закавказье и Средняя Азия, более похожи на традиционные общества (тоже 1–3 убийства на 100 тыс. жителей).

Другое свидетельство сохранения традиционных институтов в Восточной и Южной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке — почти полное отсутствие городских трущоб и бездомных детей, наличие которых наблюдается в избытке в Латинской Америке, Африке южнее Сахары и в России. В России в 2010 году насчитывалось 700 тыс. сирот — больше, чем после Великой Отечественной войны, и больше, чем в Китае (600 тыс.), население которого превосходит российское почти на порядок.

По уровню доходного неравенства, как и по уровню смертности и теневой экономики, развивающиеся страны сегодня делятся на две группы: с одной стороны — Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия, где коэффициент Джини составляет, как правило, 40–60%, с другой — Восточная и Южная Азия, а также Ближний и Средний Восток, где коэффициент Джини обычно находится на уровне ниже 40%.

В последней группе стран рост коэффициента Джини, как и на Западе во время первоначального накопления капитала, был связан с разрушением традиционных институтов. По имеющимся оценкам (регрессии, связывающие коэффициент Джини с подушевым ВВП, плотностью населения, урбанизацией и колониальным статусом), колониализм увеличил коэффициент Джини на 13 процентных пунктов. В Латинской Америке этот реконструированный коэффициент Джини вырос с 22,5% в 1491 году до более чем 60% в 1929-м. Напротив, Индия, Китай, Япония в XVIII–XIX веках имели относительно низкое доходное неравенство. В целом в странах Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Южной Азии неравенство, особенно до 90-х годов прошлого века, было существенно ниже.

Даже в Индию и Китай (последний стал полуколонией Запада после «опиумных войн» середины XIX века) колониализм принес с собой рост неравенства и голодных смертей, так как ранее меньшее количество продовольствия распределялось более равномерно эгалитарными институтами. В Индии даже в первые сто лет британского колониального господства число случаев возникновения массового голода превысило число таковых за предыдущие две тысячи лет. По самым надежным имеющимся оценкам, во время голода 1876–1878

годов в Индии погибло 6–8 млн человек, а «двойной голод» 1896–1897 и 1899–1900 годов унес жизни 17–20 млн, так что за последнюю четверть XIX века — период наивысшего расцвета британского колониального господства в Индии — от голода погибало в среднем по миллиону человек в год. В Китае в 1644–1795 годах в среднем в год от голода погибало 8 тыс. человек, в 1796–1871 годах — 57 тыс., в 1871–1911-м — 325 тыс., в 1911–1947-м, уже в период Республики, — 583 тысячи. Один только голод 1876–1879 годов унес жизни 10 млн человек — вдвое больше, чем все случаи голода с 1644 года.

Две страны, Россия и Китай, могут служить примером двух разных вариантов выхода из мальтузианской ловушки. Россия пошла по пути вестернизации как минимум со времен Петра I, с начала XVIII века, а социалистический эксперимент (1917–1991), с его коллективистскими институтами, низким неравенством и низкой преступностью, был в значительной степени чуждым предыдущей логике институционального развития. В Китае же, напротив, относительно кратковременная (100 лет) и безуспешная попытка вестернизации (со времени «опиумных войн» до революции 1949 года) закончилась возвращением на долговременную траекторию «азиатских ценностей» и коллективистских институтов.

Лидеры новой волны

Западные страны преодолели мальтузианскую ловушку роста путем разрушения традиционных институтов (общины), что повлекло за собой усугубление неравенства, бедности и смертности, но также и увеличение доли сбережений и инвестиций в ВВП (за счет сокращения потребления) и ускорение экономического роста.

Когда эта западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу»), она привела не только к повышению нормы накопления, но и к снижению качества институтов, что ухудшило стартовые позиции для экономического подъема. Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Южная Азия), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX века, однако сумели избежать ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу населения в результате технического прогресса в XVI–XIX веках позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки — повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности и смертности и подрыва институтов.

Если такая интерпретация верна, то послевоенный экономический рост Восточной Азии, видимо, является поворотным моментом в мировой экономической истории. Не столько потому, что в Восточной Азии живет треть мирового населения, сколько потому, что догоняющее развитие впервые оказалось успешным,

поскольку оно основано на принципиально иной, отличной от западной, экономической модели выхода из мальтузианской ловушки. Эта модель сохранения коллективных («азиатских») ценностей, относительно низкого неравенства и институциональной преемственности, обеспечивающей более высокое качество институтов.

В соответствии с изложенной схемой следующими крупными регионами, которые продемонстрируют успешное догоняющее развитие, окажутся страны Ближнего и Среднего Востока (Турция, Иран, Египет и др.) и Южной Азии (Индия), тогда как Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия будут отставать.